DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-2-157-161

ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВОСЛАВНОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕИЗМА В КОНТЕКСТЕ ОБСУЖДЕНИЯ ПРОБЛЕМ ПЕДОЛОГИИ И ДЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Е.Н. Лубенская

Обоснован тезис о том, что философско-религиозная антропология православного теизма активно использовала достижения психологии, педагогики и педологии. Представлены основные аспекты обращения представителей духовно-академической науки к педологической проблематике, которая во многом стала порождением американского прагматизма. При этом главной задачей православных теистов являлось задействование потенциала педологии и детской психологии для поиска новых путей религиозно-нравственного воспитания детей и подростков.

Ключевые слова: православная философско-религиозная антропология, педагогика, педология, детская психология, религиозное воспитание.

PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS ANTHROPOLOGY OF ORTHODOX ACADEMIC THEISM IN THE CONTEXT OF PROBLEM DISCUSSION OF PEDOLOGY AND CHILD PSYCHOLOGY

E.N. Lubenskaya

The author substantiates the thesis that the philosophical and religious anthropology of Orthodox theism actively used the achievements of psychology, pedagogy and pedology. The article presents the main aspects of the appeal of representatives of spiritual and academic science to the pedological problems, which in many respects became a product of American pragmatism. At the same time, the main task of Orthodox theists was to use the potential of pedology and child psychology to find new ways of religious and moral education of children and adolescents.

Keywords: Orthodox philosophical and religious anthropology, pedagogy, pedology, child psychology, religious education

Православная духовно-академическая наука XIX – начала XX в. отличалась большим тематическим и концептуальным разнообразием. Кроме вопросов богословского и философского характера, преподаватели и студенты духовных академий обращались к проблемам, связанным с изучением природы человека, его воспитания в соответствии с основами православной культуры. Одновременно происходил процесс, как отмечает исследователь С.В. Пишун, «философизации» разных отраслей духовно-академического знания [18: с. 25]. В частности, уже в своём основании духовно-академическая педагогика обнаруживает теснейшую связь с философско-религиозной антропологией. Собственно говоря, часто трудно обнаружить чёткую границу между формулируемой в православных высших школах доктриной методов и смыслов образования и воспитания и православным философским учением о человеке. Это явление вполне закономерно, так как педагогика и философия в её православно-теистической интерпретации обращаются к мета-

физике человеческого бытия, имеют единые идейные основы. Все значимые православные мыслители, затрагивавшие область философско-религиозной антропологии, обязательно погружались и в вопросы образования и воспитания. Следует также иметь в виду, что православное учение о человеке обязательно имеет морально-метафизическое измерение, поэтому неизбежным являлось и обращение к вопросам этики. Специфика духовно-академического истолкования педагогических проблем состояла и в том, что в нём вопросы естествознания (физиологии, биологической антропологии) занимали существенно меньшее место, чем в аналогичных концепциях отечественных «светских» мыслителей (Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский и др.). Нельзя сказать, что тема введения в педагогику и психологию естественно-научного подхода была совершенно проигнорирована в духовно-академической науке. В данной связи можно указать на разработки в области опытной психологии доктора философии и профессора Санкт-Петербургского университета

Лубенская Елена Николаевна – аспирант кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Lubenskaya Elena Nikolaevna – Post-graduate student of the Department of Philosophy, Sociology and Law at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: Lybenskaia@gmail.com

© Лубенская Е.Н., 2021

и Санкт-Петербургской духовной академии, читавшего в ней философский курс с 1843 по 1853 г., *Адама Андреевича Фишера* [25], на труды по экспериментальной психологии профессора Санкт-Петербургской духовной академии *Виталия Степановича Серебrenикова*, стажировавшегося в лаборатории известного немецкого философа и психолога В. Вундта и стремившегося сочетать в духе теизма метафизический и естественно-научный подходы, что особенно проявилось в ряде его статей [19; 20]. Но всё же православные авторы, исходя из духовной основы жизни человека, ограничивали применение в области педагогики и психологии методов естественных наук. Тот же В.С. Серебrenиков, при всей вовлечённости в сферу экспериментальной психологии, подверг резкой критике материалистическое («механистическое») понимание сознания человека в своей статье «Механическое воззрение на душевную жизнь перед судом современных строго-научных психологических сочинений» [21]. Подход представителей духовно-академической науки к этой области предполагал взгляд на человека как существо богоподобное, религиозно-философский дискурс в данном случае диктовал необходимость построения особой модели педагогической антропологии, основной замысел которой состоял в синтезе собственно педагогики, философии и религии. Такая модель «христианской педагогики» встречается уже в работах П.Д. Юркевича «Чтение о воспитании» и «Курс общей педагогики», а также в многочисленных кандидатских сочинениях выпускников всех четырёх духовных академий. Отдельного внимания заслуживает философско-педагогическое наследие арх. Никанора (Бровковича) и особенно В.И. Несмелова – автора фундаментальной «Науки о человеке» (1905–1906) [16]. В рамках православной модели философии образования и воспитания начала развиваться и педагогическая психология. Большой вклад здесь внёс выпускник Киевской духовной академии Митрофан Семёнович Григоревский, опубликовавший, в частности, «Лекции по педагогической психологии» [4]. Большое внимание уделялось процессу религиозного воспитания в школах. Здесь можно указать на кандидатское сочинение представителя Киевской духовной академии Н.И. Кенорецкого [9].

Особо следует отметить философско-педагогическое наследие профессора Киевской духовной академии *Николая Корнильевича Маккавейского*, который является автором ряда работ как по истории педагогики, начиная с древних евреев и отцов церкви и заканчивая современной ему европейской педагогической мыслью, так и собственно по организации процесса обучения и воспитания и подготовки к профессии учителя.

Духовно-академическая наука обращалась к истории педагогических и психологических идей, находя в них значимое и ценное для собственной теории и практики нравственного воспитания. Их привлекало изучение детской природы, педагогика, по их мнению, должна была учитывать особенности этой природы, практические рекомендации воспитателей и учителей, по их мнению, следовало соотносить с законами детского развития. Как писал православный исследователь П. Соколов, достаточно проследить историю педагогических систем, чтобы убедиться, как на протяжении многих веков, начиная от св. отцов и кончая Герbartом и Фребелем, проходит, психологически и этически обосновывается и углубляется истинно-христианский принцип отношения взрослых к детям: «отцы, не раздражайте чад своих», или, говоря в положительной форме, «присматривайтесь к природе детей, к её законам и потребностям, и с ними сообразуйте своё отношение к детям» [23: с. 59]. В этом смысле духовно-академическая наука ставила своей целью понять и осмыслить новейшие педагогические теории, которые стремились заново проанализировать тему согласования педагогических действий с природой ребёнка. Интересной для них стала и педология, провозгласившая XX в. «веком ребёнка» [8: с. 133]. Следует отметить, что стремление понять характер, психологические и физиологические особенности ребёнка и представить всё это в виде отдельной науки – «педологии» и получило популярность на Западе, в частности в США, благодаря усилиям профессора Ст. Холла. Дореволюционный русский исследователь Нечаев указывал следующее: «Представляя собою отчасти психологию, отчасти антропологию, отчасти медицину и гигиену, педология стремится разрешить и чисто педагогические проблемы, полагая во главу угла именно то, что является больным, или, во всяком случае, слабым местом в традиционной педагогике» [17: с. 17]. Как отмечал другой исследователь Вахтеров, «...в традиционной педагогике при всей многочисленности теорий, абстракций, широких лозунгов, высоких заветов и идеалов, заповедей и всеобъемлющих предписаний не хватало самого главного – фактической обоснованности» [3: с. 54], в то время, по мнению другого автора того времени Габриэля Компейре, как педология, прежде чем создавать различные системы воспитания, ставит себе задачу всесторонне изучить психофизиологическую природу ребёнка, так как только одно это изучение может дать необходимый материал для построения правильной педагогики [10: с. 7]. Прежние педагоги, согласно меткому выражению Ст. Холла, «строили какие-то воздушные замки вместо того, чтобы работать над жёсткими и жгучими фактами жизни и духа» [26: с. 12]. Лозунг педологии звучал

так: «Всё для гармонического развития ребёнка, соответственно с его естественными стремлениями, всё – добровольными усилиями самого ребёнка и ничего насильем» [3: с. 142–143].

Многие отечественные исследователи области образования, с одной стороны, поддерживали намерение педологов занимать более активную, «проективную» позицию по отношению к обучению и воспитанию ребёнка. Так, в сборнике «Душевная жизнь детей» отмечалось, что положительным моментом новой «науки о детях» должно стать то, что «схизоцентричность» в ней заменяется на «педоцентричность» [6: с. 112–117]. С другой стороны, некоторые русские религиозные философы считали педологию продолжением прагматизма в области образования и поэтому свой критицизм в отношении позитивизма и прагматизма они часто переносили на педологию. Не явились исключением здесь и представители русской духовно-академической философии. Отчасти такой взгляд на педологию был оправданным, во всяком случае такой виднейший представитель американского прагматизма, как Д. Дьюи, был сторонником идей педологии, полагая, что «ребёнок становится для педологического сознания тем солнцем, около которого должны вращаться все образовательные средства, тем радиусом, который определяет размер всего круга школьной жизни» [7: с. 24]. И всё же православные философы-теисты высказывали своё сочувствие базовым установкам педологов. Так, исследователь из Санкт-Петербургской духовной академии Владимир Спасский в своей работе «Наблюдения и выводы современной педологии, имеющие отношение к религиозному воспитанию, и их оценка» отмечал, что «само направление педагогики изменяется радикально: старая педагогика заботилась только об одном – научить ребёнка, – новая педагогика заботится о том, чтобы ребёнок хотел учиться; старая педагогика отвечала на вопрос: "что должен знать ученик такого-то класса?" – новая педагогика старается ответить на другой вопрос: что в данный момент больше всего соответствует силам и способностям ребёнка; старая педагогика основывала всё обучение и воспитание на послушании, новая педагогика считается прежде всего с интересами воспитанника» [24: с. 5]. Тот же Вл. Спасский пишет следующее: «Мы должны признать, что педология ... достигла значительных успехов, произвела много педагогически ценных исследований и выполнила много таких работ, педагогическое значение которых не подлежит сомнению» [24: с. 6].

Для православных авторов первоочередную значимость имело бы применение педологических подходов к изучению феномена религиозности в целом и детской религиозности в частности, т.е. для прояснения существа религиозно-философской

антропологии. Они задают изначально риторические вопросы, которые, тем не менее, требовали бы от педологов чёткого ответа: «Каковы ступени религиозного развития и чем последние характеризуются? Каковы благоприятные и неблагоприятные для религии условия, заключающиеся в самом индивидууме, в обстоятельствах его жизни, в семье, социальной среде и окружающей природе?» [13: с. 4]. Такой подход православных авторов сам по себе был вполне прагматическим, он требовал обращения «науки о ребёнке» как раз к интересующим православных духовно-академических авторов вопросам, тематике, которая касалась духовно-академической философской «науки о человеке» (в терминологии В.И. Несмелова), а также православной психологии.

Исходные вопросы, интересовавшие православных теистов при рассмотрении становления религиозности у ребёнка, касаются, во-первых, специфики религиозных представлений в детстве и их отличия от верований у взрослых, во-вторых, описания ступеней религиозного развития детей, в-третьих, указания на благоприятные и неблагоприятные условия, которые влияют на развитие религиозных чувств у ребёнка, причём эти условия могут быть связаны с особенностями детской индивидуальности, социальной средой или отношениями внутри семьи (см.: [13: с. 3–11; 14: с. 434]).

При этом сами представители духовно-академической науки сетовали на то, что в современной им детской психологии уделяется крайне незначительное внимание вопросам религиозности у детей, но одновременно полагали, что у русских религиозных мыслителей есть все возможности восполнить этот пробел. Православный исследователь Вл. Спасский писал по этому поводу следующее: «Новейшие из лучших и наиболее полных трактатов по психологии детского возраста вопросу о религиозном воспитании едва уделяют одну или две страницы, а иногда и вовсе не упоминают о нём. Несколько брошюр иностранных авторов (Юста, Старбека и Ст. Холла) выражают собою всю работу молодой науки по этому вопросу, а между тем он вовсе не заслуживает такого пренебрежительного отношения. Теоретически интересный и практически важный вопрос о религиозном воспитании детей нуждается в возможно скором и правильном разрешении при помощи систематических исследований, целесообразных опытов и наблюдений, и хочется думать, что именно русское творчество, внёсшее в науку о ребёнке лишь малую лепту, проявит себя здесь с достаточной полнотой и силой...» [24: с. 8].

Православные авторы пытались понять генезис феномена религиозности в сознании ребёнка. Они отказывались соглашаться с формулировкой английского эмпиризма Нового времени о том, что душа человека изначально представляет собой

«*tabula rasa*», но при этом признавали идею о том, что с духовным зрением человека происходит то же самое, что и с телесным зрением: на первых порах оно направлено только на предметы внешнего мира. Они соглашались с французским философом-спиритуалистом М. Гюйо о том, что ребёнку изначально «совершенно чужда мысль о существовании чего-то иного за пределами небосклона, у края которого останавливается его слабый взор. Обыкновенно пределы мира он помещает на конечных точках своих зрительных лучей, ограничивающих видимое для него и неподвижное поле зрения, – он добровольно очерчивает круг около себя, и всё, что лежит вне этого круга, остаётся также и вне его мышления» [5: с. 14, 35]. Отсюда и «религия ребёнка не представляет собой тропы, выводящей нас за пределы мира, – просвета, поднимающего нас за облака» [5: с. 20], и в этом смысле «ребёнок не будет искать своих богов слишком далеко, он находит их, так сказать, под рукою, касается их пальцем, живёт в обществе с ними» [5: с. 151].

Первыми «богами» для детей являются их собственные родители. Эту мысль высказал норвежский исследователь, теолог, психолог и школьный учитель Аксель Арсталь, писавший, что родители для маленьких, постоянно нуждающихся в посторонней помощи детей – всё: «и защитники, и покровители, и судьи» [1: с. 340]. Тем самым в противоположность детскому бессилию родители – всемогущи, способны творить чудеса, «их воля производит добро и зло, в их руках находятся милость и кара» [5: с. XXII]. Православные авторы были согласны с этой идеей о «божественности» родителей в глазах ребёнка. На это указывал священник А. Липский в своей книге «Психологические основы религиозно-практического воспитания» [12: с. 130–131], с этим согласен и другой православный автор Лотский, отмечавший, что у ребёнка создаётся понятие о родителях, вполне аналогичное тому, какое взрослые имеют о Боге, и «лишь с расширением умственного горизонта и опыта ребёнок приходит к Богу, этой высшей и последней защите, которую ищет и требует человеческое существо» [15: с. 150]. Русский православный философ Лозинский, приводя слова-воспоминания немецкого учёного-психолога Кристиана Фридриха Хеббеля, писал по данному поводу следующее: «Ребёнок всегда проживает период, когда весь мир кажется ему зависящим от его родителей, в особенности от более далёкого и всегда несколько таинственного отца, которого можно одинаково просить и о хорошей погоде, и об игрушках... Этот период, естественно, приходит к концу, лишь только дитя, к своему изумлению, узнает из опыта, что часто совершаются вещи не только независимо от родительской воли, но даже вопреки ей, и вместе с этим улетучивается значительная часть

того мистического очарования, с которым так тесно было связано представление о родителях. Таким образом, первоначальная вера во всемогущество отца органически переходит в веру во всемогущество новой невидимой силы – Бога» [13: с. 20–21].

Вместе с тем некоторые русские православные учёные, занимавшиеся психологией раннего развития ребёнка, считали необходимым подчеркнуть роль матери в психологическом и особенно религиозном развитии ребёнка. Так, известный русский врач, психолог и педагог Н.И. Пирогов полагал, что мать кладёт краеугольный камень религиозной жизни в сердце ребёнка прежде, чем он способен произнести слово «Бог». Кроме того, сам внешний мир мог поражать ещё до конца не окрепшее сознание ребёнка своей необычностью, новизной, порождая у ребёнка часто занимавшие и даже мучившие его вопросы о происхождении и назначении вещей. Он вполне мог задавать себе вопросы, вроде «в чём существо человека», «куда он уходит после земной жизни» или, например, «есть ли что-то, находящееся над звёздным небом» и т.п. Ребёнку свойственно пытаться внести некий порядок в хаотичную массу отрывочных восприятий и представлений, но такая работа может быть для него трудно выполнимой и он может допускать ошибки при «идентификации» тех или иных объектов. Православный психолог А. Левоневский в своей книге «Мой ребёнок» писал о таких ошибках собственного сына: «Так как мать учила Диму молиться, т.е. креститься и кланяться образу, перед которым часто была зажжена лампада, то Дима, гуляя по улицам, кланялся всему, что, по его мнению, походило на образ. Между прочим, увидев огонь в лавке, Дима на каждом шагу останавливался перед ним, сказал "бо" и начал усердно кланяться» [11: с. 80]. Причём, продолжал А. Левоневский, первоначально слово «бо» обозначало образ, на который ребёнок молился, затем постепенно он перенёс это слово на крест, потом на церковь, а затем на всё, что походило на церковь [11: с. 81]. В этом смысле у многих детей, как полагали православные авторы, из-за непонимания тонких, доступных лишь взрослым аналогий вначале формируется «грубое идолопоклонничество», характеризующееся отождествлением в его сознании двух различных понятий – Бога и иконы. Как писал в 1916 г. представитель Санкт-Петербургской духовной академии Владимир Спасский, «...для ребёнка Бог это – икона, и икона – Бог. Наблюдения вполне подтверждают сделанное заключение» [24: с. 16].

Такое идолопоклонничество не проходит автоматически, оно может продолжаться у ребёнка пять лет, но может и значительно дольше, в силу различных внутренних и внешних условий, на что указывал профессор Военно-медицинской академии в

Санкт-Петербурге Иван Алексеевич Сикорский в своей известной книге «Воспитание в возрасте первого детства», полагавший, что этот период может не ограничиваться «тёмным периодом детства», а продолжаться и в отрочестве, у некоторых людей он может переходить даже во взрослую жизнь [22: с. 73].

Грубое идолопоклонство может быть не единственной формой детской религии, оно может вполне естественно сочетаться с антропоморфизмом, причём, как указывали православные теисты, между двумя этими феноменами нет прямого антагонизма.

Таким образом, как полагали представители духовно-академической науки, мировоззрение ребёнка вообще и его религиозное сознание складываются из двух основных факторов – семьи и собственного опыта. Они здесь солидаризировались с американским детским психологом-эволюционистом и социологом Джеймсом Марком Болдуином, высказывавшим аналогичные идеи в своей книге «Духовное развитие детского индивидуума и человеческого рода» [2: с. 74–79].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсталь, А. Семья и её задачи: Книга для родителей и воспитателей / А. Арсталь. – Санкт-Петербург : А.Ф. Маркс, 1903. – 461 с.
2. Болдуин, Дж.М. Духовное развитие детского индивидуума и человеческого рода / Дж.М. Болдуин. – Москва : Либроком, 2011. – Т. 1. – 352 с.
3. Вахтёров, В.П. Основы новой педагогики / В.П. Вахтёров. – Москва : Изд-во т-ва И.Д. Сытина, 1913. – Т. 1. – 583 с.
4. Григорьевский, М.С. Лекции по педагогической психологии, читанные народным учителям / М.С. Григорьевский. – Нижний Новгород : Изд. Нижегородского Губернского Земства, 1914. – 267 с.
5. Гюйо, М. Безверие будущего. Социологическое исследование / М. Гюйо. – Санкт-Петербург : Тип. т-а «Общественная польза», 1908. – XL, 518 с.
6. Душевная жизнь детей. – Москва, 1910. – Вып. 3. – 218 с.
7. Дьюи, Дж. Школа и общество / Дж. Дьюи. – Москва, 1907. – 212 с.
8. Кей, Э. Век ребёнка / Э. Кей. – Москва : Изд. Д.П. Ефимова, 1905. – 326 с.
9. Кенорецкий, Н.И. Религиозное воспитание в средней школе / Н.И. Кенорецкий. – Киев, 1920 // Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. – Ф. 304. – Д. 2504. – 402 с.
10. Компейре, Г. Отрочество, его психология и педагогика / Г. Компейре. – Санкт-Петербург : Изд-во О.В. Богданова, 1910. – 116 с.
11. Левоневский, А. Мой ребёнок / А. Левоневский. – Петроград : Изд-во О.В. Богданова, 1914. – 216 с.
12. Липский, А. Психологические основы умственного и религиозно-нравственного воспитания в дошкольный период / А. Липский. – Нежин, 1905. – 48 с.
13. Лозинский, Е. Религия. Нравственность. Сексуальное воспитание / Е. Лозинский. – Санкт-Петербург, 1912. – Т. 1. – 287 с.
14. Лай, В.А. Экспериментальная дидактика: её основы с подробным описанием процессов воли и действия / В.А. Лай. – Санкт-Петербург : Изд-во Н.П. Карбасникова, 1905. – XVI, 467 с.
15. Лотский, И. Душа твоего ребёнка / И. Лотский. – Санкт-Петербург, 1912. – 116 с.
16. Несмелов, В.И. Наука о человеке / В.И. Несмелов. – Казань, 1905. – Т. 1. – 422 с.
17. Нечаев, А.П. Педагогика и педология / А.П. Нечаев. – Санкт-Петербург, 1904. – 186 с.
18. Пишун, С.В. Православная персонология и духовно-академическая философия XIX века / С.В. Пишун. – Москва : Прометей, 1996. – 431 с.
19. Серебrenиков, В.С. Психофизические исследования и их значение для психологии / В.С. Серебrenиков // Христианское чтение. – 1895. – № 3–4. – С. 288–311.
20. Серебrenиков, В.С. К вопросу об экспериментальной психологии / В.С. Серебrenиков // Христианское чтение. – 1895. – Т. 2. – С. 220–231.
21. Серебrenиков, В.С. Механическое воззрение на душевную жизнь перед судом современных строго-научных психологических сочинений / В.С. Серебrenиков // Христианское чтение. – 1897. – № 3. – С. 373–390.
22. Сикорский, И.А. Воспитание в возрасте первого детства / И.А. Сикорский. – Санкт-Петербург, 1884. – 143 с.
23. Соколов, П.А. История педагогических систем / П.А. Соколов. – Санкт-Петербург : Изд. О.В. Богдановой, 1913. – IV, 616 с.
24. Спасский, Вл. Наблюдения и выводы современной педологии, имеющие отношение к религиозному воспитанию, и их оценка / Вл. Спасский. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургской духовной академии, 1916. – 82 с.
25. Фишер, А.А. Введение в опытную психологию / А.А. Фишер. – Санкт-Петербург : Тип. Академии наук, 1839. – 53 с.
26. Холл, Ст. Сборник статей по педагогике и педологии / Ст. Холл. – Москва, 1912. – 180 с.